

18+

З О Л О Т А Я М И Б А Х Р А М

З

КОРОТКИХ

РАССКАЗА

Бахрам Заими

3 коротких рассказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64037091

ISBN 9785005323248

Аннотация

Эта книга состоит из трех коротких рассказов. Однако все они являются вымыслом, но связаны с некоторыми фактами в своих областях. В «ШАУНИ» земля, хранящая кровь своих воинов, вызывает к мести. «ШОУ ЖУКОВ» – это судебный процесс о том, как все пытаются извлечь из него выгоду. «ПАНДА» – это отчуждение, когда человек пытается найти время и место, к которому он принадлежит.

Содержание

Шауни

5

Конец ознакомительного фрагмента.

27

3 коротких рассказа

Бахрам Заими

Переводчик Андрей Вдовин

© Бахрам Заими, 2021

© Андрей Вдовин, перевод, 2021

ISBN 978-5-0053-2324-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шауни

«Дэнни, тебе этого не понять. Можешь теперь лежать один на диване и смотреть телевизор. Это были её последние слова перед уходом», – вспоминал Дэниел Бун, уставившись в экран. «Без звука персонажи на экране выглядят чертовски глупо. Говорят что-то, по-рыбы открывая рты, отвечают друг другу так оживлённо и осмысленно, что кажется, будто они способны думать. Наблюдать за этими клоунами даже интересно, но это занятие быстро надоедает. Ведь заранее известно, что всё это происходит по сценарию. Но что ещё остаётся, когда хочется позабыть о монотонности собственной жизни. Добавляю громкость и слышу их невыносимо глупые реплики. Так чего же мне не хватает? Не Евы. У той куча вопросов, потребностей, желаний. И эта мысль, что засела у нее в голове. Днями и ночами повторяет. Прерия. Что это вообще такое?»

Он нажал на паузу, отчего немые персонажи на экране стали выглядеть ещё глупее. На мгновение задержал на них взгляд, словно что-то пробудило в нём воспоминания. Не замершие на экране фигурки, а, скорее, два размеренных дня, нарушивших его привычный ритм жизни. Разлитое в воздухе спокойствие, открытое окно, шорох листьев – жёлтых, зелёных, оранжевых – в последний осенний месяц опавших

с одинокого дерева, стоящего неподалёку. Долгое время ему чего-то недоставало. Он всегда чувствовал это, но не обращал внимания.

Вскочив на ноги, он бросился к двери, ведущей в подвал, и распахнул её. Закатные лучи едва касались первых ступеней ведущей вниз лестницы, оставляя большую часть спуска во мраке. Освещения нет ни здесь, ни в глубине. На секунду он остановился. *Она боялась спускаться по этой шаткой деревянной лестнице без перил, за которые можно было бы ухватиться, с узкими даже для её небольшой ноги ступеньками, уходящими прямо во тьму. Подвал служил мне убежищем, пока она не преодолела свой страх и не освоилась в этом месте так же, как и во всех прочих. Теперь лишь телевизор мой последний оплот.* Выждав, пока глаза привыкнут к темноте, он спустился по ступеням. Приблизился к комоду, стоящему в тени, у дальней стены. Наклонился к нижнему ящику и открыл его. Внутри, тускло поблёскивая, лежала большая, тяжёлая на вид металлическая коробка. Он вынул её из ящика и без особого труда поднялся с ней по ступеням.

Бережно положил коробку на диван и опустился рядом. На крышке скопилась пыль. Он протёр её, и крохотные частицы разом взвились вверх, закружившись у его носа в последних лучах холодного осеннего вечера. Он сделал глу-

бокий вдох, пытаясь втянуть их все, но несколько пылинок продолжили кружиться в воздухе. К центру крышки был аккуратно прикреплен сувенир. Настоящее перо золотого орла, потерянное хищной птицей в неистовой погоне за горным козлом. Он видел эту сцену. Видел, как острые когти впились в плоть, не оставляя жертве ни малейшей надежды на спасение. Он отыскал это перо и сохранил, сочтя его знаком древних богов. Повернув цифры на замке до нужной комбинации, он поднял скобу, вынул замок, убрал задвижку и открыл крышку.

Вот она, его сокровищница: дамасская сталь в обрамлении золота, серебра, слоновой кости и дерева, стальные и титановые лезвия с рукоятями из берёзы и ясеня. Десятки разнообразных ножей и кинжалов, каждому – своё применение. Он положил коробку на колени и стал перебирать оружие, с восторгом воскрешая в памяти связанные с каждым из них события и раскладывая коллекцию на диване по обе стороны от себя. Затем поставил пустую коробку у ног, ощутив прилив радости при виде своих верных молчаливых друзей. Даже глупые персонажи телешоу вновь показались ему забавными. И всё же пыльные воспоминания не смогли заполнить пустоту в его душе. Даже дорогим гостям не удалось надолго развеселить его.

Он вернулся к стоящему в подвале комоду, задвинул ниж-

ний ящик, распластался на полу и, просунув руку в щель под комодом, стал обшаривать пыльное пространство под ним. Полностью вытянув руку вперёд, он попытался нащупать заветный предмет. Его пальцы блуждали, пока не почувствовали знакомую шероховатую и твёрдую поверхность. Он вытащил руку, крепко сжимая свою находку. Уселся на пол, вытянув ноги и устремив взгляд на свёрток у себя на коленях. Кусок старой мешковины грубой прошивки с красновато-коричневыми пятнами, из которого торчала деревянная ручка. Улыбнувшись, он поднялся на ноги, отнёс свёрток наверх, положил его на диван, убрал ножи обратно в коробку, открыл свёрток.

Нож из Кентукки с рукоятью из священного дерева и остро заточенным лезвием, шероховатым от количества вспоротых им внутренностей; на лезвии – следы крови вперемешку с ржавчиной. Взяв тряпку, он попытался отчистить клинок, насколько это было возможно. Затем поднял нож, любуясь тем, как солнце последними предзакатными лучами озарило его отполированные грани. Он положил нож на диван рядом с собой, выключил телевизор, откинулся назад, положив голову на спинку дивана. Уставился в потолок, позволив лёгкому дуновению – блаженный дар старого дерева снаружи – проникнуть под рубашку. Что-то ещё было за открытым окном. Осенний ветер, подув от старинного кладбища, закружился в ветвях деревьев. Пожухлые листья затрепетали, про-

износя заклинание жизни во имя старого воина из Кентукки.

«Давненько не виделись, Джонни».

«Я уже и забыл своё настоящее имя. Здравствуй, Шауни, старый мой друг, мой добрый боевой клинок», – ответил Дэнни.

«Сколько времени прошло, а, Джонни?»

«Да, Шауни, немало».

«Что случилось? Я уж решил, что ты позабыл меня, Джонни».

«Не знаю».

«Нам было хорошо вместе, ведь так, Джонни?»

«Да, Шауни, это правда».

«Казалось, ещё вчера мы с тобой впервые встретились в том старом лесу в Кентукки, в закрытой зоне, где сотни лет не было ни одного туриста».

«Да, Шауни, я помню».

«Старый сассафрас, склонившийся не от ветра, но под тяжестью веков».

«Да, Шауни, я помню».

«Я пребывал в уединении сотни лет».

«Да, Шауни, я помню».

«Ты видел, как я пригвоздил к дереву того ублюдка и держал до тех пор, пока со скелета не сошла сгнившая плоть. Каким наслаждением было впиваться зазубренным лезвием в его кости, пока он был ещё жив. Его скелет лежал на покосившемся стволе, неподвижный, с вытянутыми вдоль тела

руками, с поскрипывающими на осеннем ветру костями, покачивающимися в такт с шелестом листьев священного дерева».

«Да, Шауни, я помню».

«Помнишь, как, впервые увидев меня, ты не сразу осмелился подойти? Я смотрел на тебя, тощего подростка с взглядом настоящего воина. Ты приблизился, дрожащей рукой прикоснулся к моей деревянной рукоятке. Я принял тебя со всей теплотой; ты крепко ухватился за рукоять, вырвал меня из древесно-костяного плена; скелет рухнул на землю, развалившись на части. А ты всё продолжал смотреть, замороженный узором из окутавших меня багряных, золотых и оранжевых листьев, пока холодный осенний дождь омывал моё лезвие. А я смотрел на тебя, настоящего хозяина, ставшего мне настоящим другом. Помнишь, Джонни?»

«Да, Шауни, я помню».

«Я выбрал имя Джонни специально для тебя, когда услышал, как ты напеваешь Bitter Tears, стоя под осенним дождём».

«Да, Шауни, я помню».

«Ты жил тогда в Лексингтоне, отправился в турпоход с одноклассниками из средней школы Лафайета. Ты был в девятом классе, первый год на новом месте. На следующей неделе мы с тобой отправились в ту школу – большой парк, огромное здание и прелестные одноклассницы. Вот только тебе, четырнадцатилетнему заморышу, которого травили каждый

божий день, они не светили. Помнишь того здоровяка? Толстого одноклассника, которого ты ненавидел. Как его звали?»

«Билли».

«Да, верно, Билли. Как-то солнечным днём он сидел под одиноким деревом перед зданием школы. Мы с тобой ещё подумали, почему он не пошёл домой. Уроки час как закончились. Мы по привычке сидели на ступенях у главного входа, глазели на листву и болтали. Помню, ты из чистого любопытства предложил подойти и поздороваться с ним. Я подумал, что идея неплохая, и ответил: „Почему нет, пойдём“. Пожелтевшая трава всё ещё была сырой от дождя, что лил всю ночь, когда мы приблизились. Пахло мокрой глиной. А этот идиот, похоже, забыл, что пора идти домой; набил своё никчёмное брюхо всякой дрянью и дремал, прислонившись к дереву. Жирные пятна от большого гамбургера на брюках, крошки по краям рта и остатки кетчупа, отчего мерзкая его физиономия казалась ещё более уродливой. За этой свиньёй закрепилась слава главного хулигана в старших классах. Твоё лицо побагровело, губы сжались, и в воздухе просвистел молниеносный взмах; отсечённое левое ухо идиота упало в траву. Я почувствовал, как твои пальцы с силой сжали мою деревянную рукоятку; крошечная капля крови вот-вот была готова сорваться с самого острия. Жирная скотина вскочила на ноги, выпучив свои пустые глаза цвета

лошадиного дерьма. Рот открыт, в щелях между пожелтевшими зубами – застрявшие куски мяса и салата. И твой спокойный взгляд, устремлённый прямо в глаза этому недоноску: „Прости, ты, кажется, что-то обронил“. И как тебя угораздило придумать такое – смешно до колик!»

«Даже не знаю, Шауни, просто в голову пришло», – произнёс Дэнни с улыбкой и тут же рассмеялся. Они оба рассмеялись.

«Недоносок зажал рану левой рукой; думаю, до него всё-таки дошло, откуда взялась эта боль. Он наклонился, нашарил ухо в траве и бросился прочь, потряхивая своей жирной задницей. Девчонки и те бегают лучше. Больше он не трогал ни тебя, ни остальных. С того самого момента каждый в средней школе Лафайета знал, кто здесь хозяин. Тощий паренёк превратился в крепкого двенадцатиклассника. Все разговоры прекращались, стоило нам появиться в коридоре с хмурым взглядом; каждый уступал дорогу, а позади были слышны только приглушённые голоса девчонок».

«Да, Шауни, я помню».

«Вскоре тихий городок Лексингтон оказался во власти кошмара, в нашей власти. В тёмных аллеях поселился ужас, а мы продолжали расширять свои владения. На этой войне, где всё решают стремительность и быстрота, не берут пленных. Вскрытые потроха, рваные раны, торчащие из-под кожи рёбра. Взмах смертоносного лезвия от одного края до дру-

гого; кровавый аромат в воздухе и вымощенные в багровый цвет тротуары. Здесь побывал господин».

У Дэнни задрожали губы, он чувствовал, как кровь струится по венам и согревает всё тело: «Да, Шауни, в нас было много крови».

«Но потом что-то произошло. Новые поступления, как их принято называть. Разноцветный, красный и жёлтый, несколько вариантов из слоновой кости и дорогих пород дерева, с лезвиями из стали и титана. Знаешь, Джонни, я с уважением отношусь к прогрессу, и каждый из них превосходил меня во многих аспектах: по весу, удобству, сбалансированности и остроте. Меня забросили, позабыли, но я не жалуясь, Джонни, я всё понимаю».

«И началась моя чёрная полоса. Я сбился с пути, Шауни», – грустно ответил Дэнни.

«Так оно обычно и происходит, мой друг».

«Но отчего именно так?»

«Где-то на перепутье ты оглядываешься назад и задаёшься вопросом: если это та же дорога, что и прежде, как я мог сбиться с пути? Но путь тут ни при чём. Это линия, которая берёт начало в прошлом и устремляется в будущее. Ты садишься у обочины в полном недоумении. Ты забыл, почему выбрал эту дорогу. Тогда как нет никакой дороги, а есть только иллюзия».

«Да, Шауни, страсти больше нет, – он наклонился ближе

и пробормотал, приложив ладони ко лбу, – я позабыл, что когда-то меня звали Джонни и я любил напевать Bitter Tears. Дэнни – вот всё, что осталось».

«Не говори так. Джонни – твоё настоящее имя».

«Когда мне было шесть, я спросил отца, почему он назвал меня Дэниел. Тот ответил, что выбрал имя, которое ненавидит больше всего. „Я назвал тебя так ещё до твоего рождения, когда узнал, что твоя мать беременна, – чтобы ненавидеть тебя ещё больше“. Мы тогда жили в небольшом городке неподалёку от Бунсборо».

«Кем был твой отец?»

«Тем, кто ненавидел свою фамилию, Бун, всякий раз, когда смотрелся в зеркало. Однажды глубокой ночью, я тогда уже спал, он пришёл и разбудил меня; помню, как его голубые глаза светились в темноте. „Вставай, пора“. Он сел на кровать; на нём было только нижнее бельё, забрызганное кровью, а в руке – огромный, остро заточенный нож, его любимый. Кровь капала на белую простыню. „Я отрезал голову твоей матери, теперь твоя очередь“, – сказал он и взял меня за руку. Я был в пижаме, которую мне подарили на день рождения. Мне всегда нравилось, когда он брал меня за руку. Когда моя маленькая ладошка утопала в его тёплой ладони. Опустив голову, я пошёл за ним в ванную; мои глаза следили за каждым шагом его босых ног. Он открыл дверь,

включил лампу. Её свет отразился в огромном зеркале, в белой плитке на стенах. Я готов был слушаться, только бы держаться за его тёплую руку. Он отпустил меня и положил руку мне на затылок. Передо мной, чуть ниже уровня глаз, стояла белая фарфоровая раковина. Я видел, что медный слив не закрыт чёрной пробкой. Отец прижал мою шею к краю; моя голова опустилась в раковину. Мне всегда нравился запах чистого фарфора. Он прижал мою шею к краю раковины. Было холодно. Потом он убрал руку, а к медному сливу медленно потекла тонкая алая струйка. Я поднял голову. Он смотрел в зеркало, на его шее виднелся порез. Горько улыбнулся и стал вгонять нож глубже, очень и очень медленно. Он с улыбкой смотрел на страдания человека в отражении. Алые ручейки впадали в один, вихрем спускаясь по медному сливу. Он опустил руку, и окровавленный нож коснулся его бедра, запачкал нижнее бельё свежей кровью. Я чувствовал во рту запах крови, но желал лишь держать его за руку, пока в ней не закончится тепло. Кровь вытекала из шеи отца, стекала всё новыми ручьями, капала с пальцев. Падала на пол, на белую плитку. На мою пижаму, подаренную на день рождения. Стоять на полу было больше не холодно. Мои глаза наполнились слезами, я почувствовал их вкус на уголках губ. Страдания человека пока не закончились. Нож выпал из его руки. Я взялся за неё – она всё ещё была тёплой. Он умер стоя, бесчувственно глядя в зеркало. Свет в его голубых глазах погас».

Дэнни остановился, чтобы перевести дух и справиться с волнением в голосе. Листва на старом дереве перестала дрожать, пытаясь услышать. Шауни не издавал ни звука. Дэнни откинулся на спинку и продолжил говорить, рассматривая трещины на потолке: «Я отпустил его холодную руку, оставил её в вечном покое, вышел из ванной и пошёл в конец коридора, где была спальня родителей. Толкнул дверь. В комнате до сих пор горел свет. Я встал у края кровати, увидел перед собой босые ноги матери, у изголовья – розовую подушку, залитую кровью с шеи. Она лежала на спине. В таком положении, без головы, я не мог узнать её. Развернулся, чтобы найти голову. Она была на туалетном столике. В его зеркале отражалось её бледное лицо, глаза, с удивлением смотрящие на обрамлённую светлыми волосами голову и как бы спрашивающие: «За что?»

«Кеме».

Дэнни посмотрел на Шауни. «Что это?»

«Так я назвал твоего отца – „Смелый“».

«Почему?»

«Мягкая почва».

«Мягкая почва?»

«Говорят, мягкая почва иссыхает. Отправляет послание, напоминая, что бойня не закончена. Напоминая о заражении чистой земли, оспе и сифилисе. Мягкая почва хранит следы

воинов, наполняет их сердца ненавистью и жадой отмщения».

«Я предал тебя, Шауни. И в наказание Джонни стал Дэнни».

«Никто не зовёт тебя Дэнни».

«Кроме неё».

«Она зовёт тебя Дэнни? Я думал, ты ненавидишь это имя».

«Ничего не изменилось. Я позволяю ей, чтобы ненавидеть его ещё больше. Ты же знаешь, я уехал из Лексингтона, где учился в школе, и переехал в Лафайет. И она переехала тоже, девушка из моих школьных времён. Видимо, я совершил нечто, по её мнению, героическое. Ты же знаешь этих девчонок – увидев что-то, они будут лелеять это в своих грёзах, лёжа в одинокой постели».

«Видишь ли, Джонни, раз уж ты заговорил об этом... Ну...» – запнулся Шауни.

«Что, Шауни? – Дэнни поёрзал на диване и сел прямо. – Что ты хочешь сказать? Я доверяю тебе, твоё мнение важно для меня, и ты это знаешь».

«Джонни, я не из тех, кто вмешивается в чужую личную жизнь. Я не перехожу границы и уважаю личное пространство, но тогда в подвале был ты, и я был тоже. Я узнал её по манере спускаться – нетвёрдо, шатаясь, ставя обе ноги на ступеньку. Когда она спустилась, вы начали ругаться,

громко, я этого не ожидал. Она говорила все те слова с такой лёгкостью».

«Ты прав, Шауни. В последнее время она была сама не своя. Это всё её сон».

«Прерия, что это вообще такое? Она всё время повторяла это слово».

«Не знаю. Как будто однажды эта „Прерия“ приснилась ей, но утром она позабыла все детали. С тех пор я постоянно слышу это слово от неё. Она считает, что в этом сне что-то есть, раз её разум так сильно цепляется за него. Я сказал ей два дня назад, что сыт по горло этими нелепыми иллюзиями».

На минуту между двумя друзьями воцарилось молчание, а затем Шауни сказал: «Джонни, все те годы, что моё лезвие ржавело и теряло былую остроту, пока я валялся в куске старой тряпки, не прошли даром. Я много думал. Я больше не чувствую себя частью этого мира. Бессмысленные слова заменяют людям страсть. Кирпичные и бетонные стены застилают им солнце. Дурацкие машины едут туда, куда поведёт дорога. Мне не хватает звуков галопа на лугу и боевых криков разгневанных мужчин».

«Шауни, что ты пытаешься сказать?»

«Моё время прошло, Джонни. Я хочу вернуться. Ты можешь это сделать, Джонни?»

Дэнни задумался. Он так много хотел сказать, но всем его

словам не хватило бы пыла. Вместо этого он ответил: «Я понимаю, Шауни».

«Верни меня дереву, Джонни».

«Хорошо».

«И не останься в долгу».

«Хорошо, мой друг».

«Тогда пришла пора нам втроём там попрощаться».

«Она вернулась в родной дом к отцу в Лексингтоне, недалеко от леса». Он набрал номер Евы.

«Привет, Ева».

«Дэнни? Это ты? Я знала, что ты позвонишь». Женский голос на том конце провода дрожал; она говорила сквозь слёзы. «Я знала, Дэнни, я знала, мы созданы друг для друга. Ночью мне снова снился тот сон. Интересно, почему образы не остаются в памяти. Возможно, мне не стоило давать ему имя. Как только я это сделала, всё позабылось. Не смейся надо мной. Прерия существует, это правда». Слёзы потекли по её губам, солёным ручейком капая на телефон. «Я хочу вернуться, Дэнни».

«Я приеду к тебе, хочу кое-что показать».

«Дэнни, значит, ты и правда не смог там без меня? Ах, Дэнни».

«Дорога займёт где-то часа четыре, я буду у тебя утром».

«Уже далеко за полночь, ты уверен? Ты можешь уснуть за рулём».

Он повесил трубку. Встал с дивана, несколько секунд смотрел на Шауни, затем поднялся по лестнице. У него до сих пор хранился любимый наряд юности – завёрнутый в белое одеяло с сине-зелёной восьмигранной звездой и чёрно-белым орлом в середине. Штаны ручной работы из натуральной кожи, обшитые оранжевой лентой вокруг талии, с узором в виде бурых медведей по всей длине. Лёгкое кожаное пончо и сапоги-мокасины с оленьим рисунком. Он снял футболку и джинсы, переоделся. Но в развёрнутом одеяле лежало ещё кое-что: кожаный чехол с двумя завязками, сверху и снизу. На нём собралась пыль. Он не стал стирать священную землю; завязал одну завязку вокруг оранжевой ленты, другой обвязал левое бедро. Посмотрел на себя в зеркало – воин в коричневых цветах с головы до пят. Спустился по лестнице, подошёл к дивану, наклонился и взял длинный нож из Кентукки двумя руками. «Твой блеск вернётся, друг мой, обещаю», – сказал он своему молчаливому товарищу. «Не волнуйся. Я помню, как множество раз вонзался в плоть».

Дэнни взял ключи от машины и вышел из дома. Старый чёрный «форд» стоял на другой стороне улицы. Он сел и завёлся – мотор грузовика взревел. Вскоре машина покинула маленький Лафайет и поехала по пустой автомагистрали. Он опустил стекло. Холодный осенний воздух ласково трепал его волосы. Шауни молчал. Он чувствовал тепло старого но-

жа на бедре, видел сражения, прошедшие сотни лет назад, будто сам был их свидетелем. *«Возможно, вот почему отец не убил меня – он услышал шёпот мягкой земли».*

Ранним утром он остановил машину перед домом отца Евы. Она вышла раньше, чем он успел просигналить. Улыбнулась ему. На ней была простая белая блузка из тонкого летящего материала, с рукавами длиной до локтя и V-образным вырезом; на голове был повязан фиолетовый кашемировый платок; нечёткие очертания её маленькой груди были прикрыты длинными золотистыми волосами. Фиолетовая юбка доходила до лодыжек, чтобы подчеркнуть новые белые туфли. Это был абсолютно гармоничный наряд; утончённая фигура в нежном платье и такая же душа. «Привет, Дэнни. Я так счастлива, что ты приехал...» Дэнни прервал её, испугавшись, что придётся выслушать бесконечный пересказ её сна:

«Залезай. Хочу показать тебе моё секретное место из детства».

Дорога до его родного города заняла больше часа. Всю поездку она не отрывала от него взгляда. «Отсюда нужно идти в лес», – сказал он, не обращая внимания на немой вопрос, читавшийся в её глазах. Как можно было понять по её наряду, к вылазке она была не готова. Она последовала за ним молча, без жалоб. Подол её длинной юбки постоянно путал-

ся в ветвях. Шипы кустарников цеплялись за него, тянули назад, страшась её пути. Один забрал себе на память её любимый платок. Дэнни шёл быстро, она едва за ним поспевала – её новые туфли были безнадежно испорчены из-за налипшей на них бурой глины. Тонкая кожа покрылась укусами – лёгкая добыча для лесных комаров и чёрных мух. Спустя час лишь её золотистые волосы смогли сохранить свою чистоту и прелесть.

Она указала на знак. «Здесь начинается запретная зона», – предупредила она быстро шагавшего впереди неё Дэнни. Следующий час был изнурительным, её тело не было готово к такому походу – к земле без дороги, к зарослям, становившимся всё гуще и темнее. Дэнни остановился под колючим деревом и приподнял ветку, чтобы Ева смогла пройти. Они оказались на большой открытой местности – разительный контраст с заросшей растительностью дорогой, которая к ней вела. В центре стоял покосившийся сассафрас, большой и старый. Лучи солнца не могли проникнуть сквозь его крону, ни одно растение не осмеливалось расти рядом. Он стоял всё так же гордо, несмотря на прошедшие годы; на земле лежали кости, на стволе виднелась зажившая рана.

«Пришли», – сказал он, указав на дерево. Она почувствовала облегчение – тяжёлое испытание закончилось. Он пошёл вперёд к дереву, она последовала за ним. Шауни молчал.

Дэнни помог ей прислониться к наклонённой части ствола. Она поёрзала спиной, пытаясь найти более гладкое место на грубой древесине, и замерла. В тусклом свете её глаза казались тёмно-синими. Она смотрела на его рот в ожидании слов, облизала губы. Он поставил свою правую ногу на её грязные туфли и прижал их всем весом, вдавливая в мягкую глину. Ей было больно, но его шаг она приняла за страсть. Свою левую ногу он поставил сбоку от дерева и прижался к ней; её тело оказалось зажато между стволом и его мощным туловищем. Она вцепилась в его пояс, тщетно пытаясь оттолкнуть его назад; ей было нечем дышать. Он положил свою левую руку на её губы и сильно сжал их; теперь она могла вдохнуть запах его тела.

Правой рукой Дэнни вытащил нож, упёрся остриём в её мягкий живот. Один удар, и лезвие пронзило его. Она должна была громко заорать от боли, но её предсмертный крик не находил выхода. Ни звука, только сдавленный водопад крови из её тела. Шауни прервал молчание: «Её кровь отмывает мою ржавчину, её тепло возвращает мне прошлое. Ударь мною ещё раз, мой старый друг». Сопrotивляясь сладким ласкам воздуха, вырвавшегося из её лёгких, он отвернулся, чтобы вдохнуть пыль листьев.

«Ещё один удар, Джонни. Дай моему лезвию почувствовать её кости».

Дэнни отодвинулся от неё, а затем всем телом резко подался вперёд. Направив всю силу в руку и сдавив рукоять, вонзил нож в тело Евы. Запретный крик невыносимой боли раздался красной струёй из её ноздрей. Остриё разрубило позвонок, прошло через спинной мозг; поток прозрачной жидкости омыл лезвие и смыл боль. Её взгляд погас, в глазах осталась лишь пустота. Теперь она была свободна от этого жестокого мира.

«Спинномозговая жидкость смывает кровь с моего лезвия, возвращает ему былой блеск. Моё остриё касается коры, Джонни, дерево напомнило мне о былом. Ударь мною в последний раз, Джонни, пронзи мною дерево, позволь моему лезвию коснуться сока, моему острию – сердцевине».

Дэнни вытащил нож из её живота, отклонился, прижимаясь к стволу дерева левым бедром, крепче сжал рукоять ножа, как орёл сжимает когтями плоть, и резко вонзил его в открытую рану. Длинное лезвие с лёгкостью прошло через её тело, достигло коры, добралось до сока и остановилось в сердцевине. Поток жизни в ядре дерева умиротворил клинок.

«Давно забытый вкус святой воды; она есть послание земли для моей души; напоминание о давних битвах. Прощай, Джонни, мой верный друг». И Шауни умолк.

Дэнни отодвинул ногу с туфель Евы, встал перед ней,

убрал руку с её рта. Губы женщины были в коричневых кровоподтёках. Он посмотрел в её голубые глаза, его встретил лишь стеклянный взгляд. Солнце переместилось по небосклону, чтобы через густую крону проторить дорогу к её телу. Парочке счастливых лучей удалось пробиться сквозь зелёные и оранжевые листья, упасть на её золотистые волосы, поиграть цветом. Их золотой блеск отразился в её глазах, высветил золото её души. Божественное сияние открыло врата в страну грёз, туда, где можно увидеть душу, если та чиста и невинна.

В тёмных тучах появился просвет, и перед её взором ярким светом предстала картина. *«Что это, неужели я снова сплю?»* Далеко-далеко она смотрит из окна на луг, дразнящий позабытыми мечтами. *«Кто-то бежит в высокой траве; черноволосый мальчик. А, это мой сын, Дэнни-младший. Он получил имя в честь своего отца. Он очень на него похож. Ему сейчас двенадцать; такой крепкий парень. А это мой второй сын, Джонни. Какими тяжёлыми были роды, но вся боль этого стоила. Ему девять. Бегает так же быстро, как брат. Они играют в траве со своим отцом. Овальнный мяч летит так высоко. Джонни ловит его и начинает бежать. В поле какое-то движение, я вижу копну золотистых волос. Ох, это Лиза, моя дочь. Ей четыре. Она едва различает братьев из-за высокой травы. Бежит за тем, у кого мяч. Моя красавица думает, что тоже участвует в игре. Она падает,*

пытается побыстрее встать, чтобы братья не увидели её на земле. Бежит за Джонни по этой стороне. Дэнни ловит мяч, теперь она бежит по той. Бедняжка относится к игре так серьёзно». Аромат яблок с корицей, политых маслом и сливками, и вторящий ему запах свежеиспечённой корочки. «Пирог готов». Она поворачивается к духовке и достаёт из неё большой пирог, вспомнив пожелание своего второго сына: «Мамочка, я хочу твёрдую корочку, но не слишком твёрдую, и чтобы яблоки внутри были мягкими, но не слишком мягкими. Но самое главное, я хочу, чтобы пирог был свежий и горячий». «Лиза всегда поддерживает своих братьев, она повторяет его слова, в основном последнюю часть». Она смотрит на пирог – корочка твёрдая, но не слишком твёрдая, яблоки мягкие, но не слишком мягкие. Ставит его на чистую скатерть; стол накрыт. Как же просто сбывается мечта, которая идёт от самого сердца. Последнее желание – вдали от шума, вдали от толпы – жевать сдобную корочку с маслом внутри. Мужчина, освещённый солнцем небольшой дом... Почему это так трудно понять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.